

Ольга Померанцева
Михаил Ветров
*Приложение к клятве
Гиппократа*

Рассказы

Михаил Ветров

Приложение к клятве Гиппократата

«Издательские решения»

Ветров М.

Приложение к клятве Гиппократата / М. Ветров — «Издательские решения»,

Мир бесконечен, и в нем возможно все. Любовь, дружбу, дело всей жизни можно найти в самых неожиданных местах. Можно дружить с инопланетянином, любить упыря, справляться с работой, без которой будут погибать люди или мир сойдет со своего пути. Рассказы об этом и вошли в книгу.

Содержание

Приложение к клятве Гиппократата	6
Три встречи с Индией	12
Моя подруга Поля	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Приложение к клятве Гиппократата
Рассказы
Ольга Померанцева
Михаил Ветров

© Ольга Померанцева, 2015

© Михаил Ветров, 2015

© Алексей Боровков, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приложение к клятве Гиппократа

М. Ветров

О. Померанцева

В молодые годы, когда я работал в рекламном агентстве в качестве диктора, у меня был лишь один друг – горький пьяница оператор Толя Митяев. Небольшой ростом, он имел весьма обширную фигуру. Кудрявые волосы обрамляли лысину, покрытую пухом, а надо лбом сияла маленькая «полянка» редких волос. Самым лучшим в нем были его большие наивные голубые глаза. Когда он смотрел, то, казалось, что все успокаивалось – даже ветер, если он есть.

Он был женат и имел троих детей. Жена Иринка очень его жалела и, наверное, любила, так как без лишних слов, слез, истерик прощала все его запои и жуткие ситуации, в которые он попадал. Она относилась к нему как к своему несчастному ребенку и всегда бросалась на помощь. Я тогда думал, что благодаря ей он чудесным образом спасается, так как некоторые вещи, случавшиеся с ним, трудно было объяснить.

Например, как-то Толик, сторож и плотник выпивали и чуть не отправились на тот свет. Вероятно, им попалась «паленка». Их обнаружила бухгалтер, задержавшаяся после выплаты зарплаты. Они лежали на полу, в разных позах, их жутко тошнило. Женщина стала звонить в скорую. Вначале было занято, а потом с полчаса скорая не ехала. Но когда они явились, то обнаружили только двоих – сторожа и плотника. Толика нашли на следующий день в другой больнице. На этом дружба между собутыльниками окончилась. Когда их выписали, плотник уволился, а сторож стал избегать Толика, подозрительно на него косился и на предложения выпить, энергично отнекивался.

Свидетелем другого происшествия был я сам. Однажды я увидел, что он идет, наклонившись на правый бок почти на 90 градусов – его заклонило, когда он пошатнулся и пытался удержаться на ногах. Его, вероятно, мучила боль, так как его лицо выглядело серьезным, замкнутым и было покрыто крупными каплями пота. Я выбежал из маршрутки, прислонил его к стенке, наказал ждать, а сам стал ловить такси. Но когда один из таксистов согласился (за тройную плату) везти Толика, то на месте я его не обнаружил. Заплатив сквернословящему таксисту за моральный ущерб, я позвонил его жене и объяснил ситуацию. Но она ответила, что ее орел уже дома, орет на диване. Я не понял, как это возможно, но вздохнул с облегчением.

Толя кроме алкоголизма страдал от множества болезней, в том числе и от сердечных. У него был диабет, и он даже впадал в кому. В чем держалась его душа – непонятно.

В тот знаменательный день я вышел из агентства вслед за ним, тронул его за плечо, спросив, не хочет ли он пойти в боулинг. Друг повернулся ко мне, обдав запахом свежесвыпитого спиртного и завел песню про орленка. Прочувствованно исполнив куплет, он сказал, что за мной на край света. Я огорченно отмахнулся и стал ожидать транспорт. Краем глаза я наблюдал за Толей, чтобы если что, вмешаться. Он кренился в разные стороны, тряс головой и что-то досадливо мычал. Но вот он передернул плечами и за его спиной развернулись крылья. Он взмахнул ими и полетел:

– Э, э, Толян, – срывающимся голосом позвал я, но услышал лишь: «Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел».

Крылья у него были грязновато-бежевого цвета и как будто побитые молью. Они подняли облачко пыли и пуха, и на меня спикировало длинное лохматое перо. Анатолий передвигался рывками, крутя ногами, как будто ехал на велосипеде и вскоре оказался у линии электропередач. Он ухватился за провод двумя руками, посыпались искры. Сердце мое заколотилось, я зажмурился, ожидая падения тела друга, но все обошлось: он благополучно миновал опасную зону и стал быстро удаляться по направлению к своему району.

Спрятав перо, я воровато оглянулся, но люди на остановке буднично ожидали транспорт. Ни одного взгляда, направленного в небо, ни одного возгласа удивления не прозвучало в этот миг. И только малыш лет двух показывал в направлении полета Анатолия и лепетал:

– Птичка полетела!

Он радостно махал ручками, но его молодая мама рассеянно сказала:

– Да, сынок, птичка, гуля.

Парализованный ужасом, я сел в троллейбус, и прокручивая в голове увиденное, подумал: «Вот почему он всегда быстро добирался домой».

На следующее утро я рано встал, наспех умылся и оделся, и отправился на работу, чтобы не пропустить появление друга. Осень уже вступала в свои права, воздух был прохладный, наполненный запахом прелых листьев и дыма. Деревья окрасились в сказочные цвета, но мне некогда было любоваться, – я шел быстрым шагом, поднимая то и дело глаза вверх.

Толик прилетел через час. Летел он еще хуже, чем вчера, казалось, засыпал на ходу, пикировал вниз, затем всхрапнув и проснувшись вновь поднимался. Во дворе здания нашей редакции он все-таки приземлился на куст шиповника и вылез из него уже без крыльев. Войдя в здание, он быстрым шагом прошел в наш с ним кабинет, сел за свой стол и уснул, положив голову на руки.

Я вошел следом и решительно потряс его за плечо. Он поднял ко мне лицо и лучезарно улыбнулся.

– Пашка, друг, как я рад тебя видеть!

Я, не зная как приступить к разговору, вынул из сумки перо и поводил им перед глазами Толи. Его глаза остановились и как будто полиняли. Он ничего не сказал, уронив голову на руки, сидел молча. Я разглядывал его младенчески розовую лысину, завитки волос вокруг нее и жалость заползала в мое сердце.

– Толя, – сказал я ласково, – нужно поговорить.

Он стал всхлипывать, его обширная спина колыхалась.

– Паша, уйди сейчас, давай после работы, – глухо сказал мне он.

Я сторожил его целый час до окончания работы, но все-таки чуть не упустил.

Когда «пробило» пять и из конторы вышли все, кроме Толика, я рванул дверь кабинета и застал его на подоконнике, пытающегося открыть, уже подготовленное к зиме окно.

– Толя, – сказал я громким и четким голосом, прибавив басистости, – окно заклеено, пойдем, выйдем через дверь.

Мой друг взглянул на меня затравленно, послушно слез с подоконника и, опустив голову, направился к двери.

– Пашка, – бормотал он – ты же все равно не поверишь, скажешь, что у меня белая горячка.

– С белой горячкой, – поучительно сказал я, – не отращивают крылья и не летают. У белой горячки другие симптомы.

Мы шли по тротуару, устланному яркими листьями, глянцевая поверхность сверкала в лучах мягкого предвечернего солнца. Рядом шел Толя, вскидывая на меня свои ласковые голубые глаза. Сердце замирало от осенней прощальной красоты и от грустных взглядов друга.

– Ты помнишь, Паша, год назад я попал в реанимацию?

– Еще бы мне не помнить! – сказал я.

– Так вот, я там умер.

– Ты был в коме – выразишься правильно.

Толя хмыкнул или усмехнулся, опустил глаза.

– Паша, – терпеливо сказал Толя, – давай я расскажу все так, как это произошло со мной.

«Я попал туда с сердечным приступом, боль была ужасной. Пока меня везла скорая, я умолял, чтобы мне к левому боку приложили что-нибудь холодное. Я метался, пытаюсь обна-

ружить холод, но было лето и ничего такого рядом не было. Меня держали, уговаривали, потом ругали, потому что девушка медсестра не могла попасть в вену, чтобы поставить мне капельницу. Молодой фельдшер наваливался на меня, морщась от перегара, пытаюсь обездвижить, но не смог и у них так ничего и не получилось. Когда подъехали к больнице, я уже был синеватого цвета.

Меня переложили на каталку и быстро повезли в реанимацию. Я видел над собой бригаду врачей, они кололи мне уколы, наконец, попали в вену и поставили систему, но видно мало что помогало, боль не прекращалась, она перекрыла мне дыхание, и наконец-то я погрузился в темноту, перед этим услышав:

– Позовите Сидорова, нужно установить связь!

Открыв глаза в следующий раз, я снова увидел врачей, но на их лицах не было повязок, а моя грудь больше не болела. Несмотря на отсутствие боли, мне было как-то не по себе. В руках одного из них был какой-то странный инструмент, напоминающий паяльник. Он стал подносить его к моему животу, и время от времени боль снова возникала, накатывала волнами. Это продолжалось довольно долго, но вдруг этот врач, досадливо щелкнув пальцами, крикнул:

– Подожди, Сидоров, здесь нужны другие методики!

Кто-то ответил:

– У нас тоже ничего не получается, придется вам его забрать.

– Мы не можем, он не вовремя. Придется ему поболтаться между – это маргинал.

Потом я, наверное, снова потерял сознание и когда очнулся у моей кровати сидел врач, который что-то делал с моим животом. Он стал говорить мне совершенно дикие вещи (как мне тогда казалось). Он сказал, что меня спасти не удалось, но в то же время «они» меня тоже взять не могут, так как есть еще что-то зависящее от меня в нашем мире. Поэтому мне придется «жить на два дома».

– Возьмешь крылья, – сказал он – правда, поношенные. Пока на них летаешь, потому что по-другому тебе теперь будет трудно. Я пытался запаять твой шнур, но не смог, удалось только сделать слабый узел.

Я заплакал, так как испугался своей неопределенности, того, что я даже умереть нормально не могу. Но я все-таки считал, что мне снится трогательный сон и плачу я во сне. Врач стал меня утешать и сказал, что все наладится. Неуловимым движением он откинул занавеску, которую я раньше не заметил, и передо мной открылось зрелище: на стене в ряд висели большие крылья. Они были похожи на куриные, и раскраска была соответственной. Он встал, снял грязно-белые и растянул, демонстрируя их.

– Вот, – не фонтан, но зато натуральные, органично впишутся в структуру ткани.

– Как это? – спросил я.

– Как, как, – устало и раздраженно сказал врач. – Синтетику тебе нужно будет сверху цеплять, а натуральные всегда будут с тобой.

Он повернулся к двери и стал, удаляясь, таять. Я подумал, что в глазах у меня все расплывается и уснул.

Когда я проснулся, почувствовал, что меня куда-то везут на каталке. Я узнал ее по скрипыванию. Боль в груди вновь возобновилась. Видеть я ничего не мог, так как был накрыт с головой. Я только слышал разговор:

– Куда везешь? – спросил кто-то.

– Обратно, его вернули на время.

– С лица то простыню уברי. А это что?! Бирку отвяжи! Всех больных перепугаешь.

Ногу мою затеребили, а потом откинули простыню. На меня смотрел молодой медик. Встретившись со мной взглядом, он вздрогнул и кому-то закричал:

– Сидорова позови!

«Что за Сидоров?» – подумал я и снова заснул или потерял сознание, – уж не знаю.

Когда, проснувшись, я спросил у медсестры, кто такой Сидоров, ее лицо приобрело какое-то торжественное выражение, и она сказала:

– Сидоров Иван Сергеевич – гений, он человек «Приложения».

Я обрадовался, подумав, что такой человек меня вылечит. «Да и сон неплохой про крылья, оптимистичный».

Вскоре Сидоров посетил меня, но я не сразу понял, что это он, так как в палату зашел человек с большой лохматой головой, в рубашке то ли бежевого, то ли серого цвета, в лоснящемся галстуке, украшенном пятнами различной степени свежести. Спасал положение лишь распахнутый белый халат. Я подумал, что доктор давно не расчесывался и не менял одежду. Его, скорее, можно было принять за алкоголика со стажем или бродягу, чем за самого талантливого врача. В правом углу рта он держал тлеющую тусклым красным огоньком длинную сигарету, что было немыслимо ни для кого другого – курить в кардиологии строго запрещено.

Без какого-либо приветствия он сказал, роняя пепел на мой пододеяльник и выпуская сигаретный дым из носа и изо рта:

– Таких как ты – раз, два и обчелся. И это такая морока, скажу тебе.

Сигарета прыгала во рту в такт его речи. Дым был такой едкий, что я закашлялся, и сердце вновь заныло. Боясь повторения приступа, я спросил:

– А то, что вы курите, мне не повредит?

– Нормально, – махнул рукой Сидоров.

– Скоро вы меня выпишите?

– Скоро, – сказал врач.

– Значит, вы меня вылечили?

– Нет, – сказал Сидоров, – поразив меня до глубины души.

– Как нет? – закричал я. – А что же мне делать?

– А тебе, что, Петрович не сказал? Полетаешь пока. За три дня научим, как с крыльями обращаться, а потом на выписку.

Я захлопал глазами, но не решился возражать.

Следующие два дня прошли в изнурительных тренировках – Иван Сергеевич учил меня обращаться с крыльями. Я должен был трясти телом, как курица, которая отряхивается, но крылья развернулись лишь к вечеру второго дня. Как я был восхищен, Паша! Ночью Сидоров разрешил мне немножко полетать по коридору, а потом мы это отмечали. Я сидел, распутив крылья, как в плаще из перьев, но Сидоров настоял, чтобы я их спрятал, так как он, вставая, постоянно через них запинался и спотыкался. Я, конечно, напился, но не так как всегда, потому что, то, что я пережил, в совокупности с тем, что рассказал мне этот странный доктор, явилось весьма отрезвляющим лекарством».

– И тебя ничего не удивляло? – перебил я Толю.

– Да что толку то, Паша? Хоть удивляйся, хоть нет, что изменится?

– Ну, может, ты бы узнал правду.

– Если ты между жизнью и смертью, то это и есть правда, – произнес друг, и я его понял.

«Когда я уже прилично надрался вместе с Сидоровым, – продолжил Толик, – и мое почтение и восхищение им смягчилось, стало не таким острым и истеричным, я спросил его:

– А ты, собственно, кто?

Я не мог понять, что он делает в больнице. Все знают, как вкалывают сестры и врачи в стационаре. А Сидоров ничего не делал. Вначале он учил меня летать, а потом стал со мной пить.

– Ты знаешь, что означает выражение «врач от Бога»?

– Конечно! Это очень талантливый врач. Мне, кстати, говорили, что ты – гений.

Сидоров польщенно усмехнулся, но возразил:

– Художник от Бога, мастер от Бога и даже хирург от Бога – это – да. Но правильный смысл выражения «врач от Бога» – иной. Такой врач – это тот, кто не только дает клятву Гиппократата, а и клятву Приложения к Гиппократату.

Он старательно выговаривал слова – может потому что был нетрезв, а может, чтобы я лучше понял.

– Понимаешь, Толян, – сказал он доверительно, – все знают, что мы живем здесь, некоторые верят, что есть жизнь загробная, так?

Я кивнул, не зная, к чему он ведет.

– Но также есть Переход, Граница. Она тоже обитаема, но ее населенность весьма мала. Это как в пустыне – лежит она себе вся в песках и вдруг караван. Так вот ты и есть маргинал, а я тот, кто с вами возится – единственный в области.

Я, Паша, к стыду своему снова заплакал, так мне стало страшно одному в пустыне.

– Не плачь Толя, – сказал Сидоров, положив мне руку на плечо. – Люди есть везде, даже на краях, а это гораздо хуже. Ты лучше вспомни, что ты видел?

Не давая мне ответить, он снова спросил:

– Видел ты врачей, которые тебя здесь спасали, ставили тебе капельницы, уколы и все такое? Видел, конечно, – снова не дожидаясь ответа, – сказал он. – А что еще видел?

– Врача, который выбрал крылья, – сказал я всхлипывая.

– Правильно – Петровича, вернее, талантливейшего хирурга Семена Петровича Аничева. Если бы ты знал, с какими докторами он работал! Так вот – он – ТАМ.

– Где? – глупо спросил я.

Иван Сергеевич впал в раздражение, покраснел, запыхтел своей сигаретой, но потом взял себя в руки и сказал:

– Где, где, на том свете. Чтобы спасти человека иногда недостаточно только здешних врачей, нужны и потусторонние. А я устанавливаю связь.

– Ты такой редкий специалист, наверное, деньги большие получаешь?

Я оглядел его убогую и грязноватую одежду, и он понял, что я хотел сказать.

Он опустил глаза, оглядел себя, повозил рукой по рубашке, что-то зацепил двумя пальцами и отбросил.

– А, ты об этом? Так некогда мне. Последний месяц выдался – мама не горюй! Я забыл даже когда спал в пижаме. А деньги получаю как все – терапевты, хирурги.

– А что такое «Приложение»?

– Это клятва служить людям на Границе. Спасать их, пытаться вытащить. Быть бескорыстным.

– И у тебя получается?! – вскричал я.

– На 80%. Если точнее, – примерно на 40. Вытаскиваем ведь с двух сторон. Около половины «клиентов» попадают ТУДА. Но это тоже моими стараниями.

– Как ты это делаешь, – ты ведь меня не лечишь?

– Откуда тебе знать, – усмехнулся Сидоров. – Мы ведь после клятвы учимся еще. Изучаем другие способы излечения. – Он нарисовал своей сигаретой некую неопределенную фигуру в воздухе. – Каждый пациент, Толя, отнимает частичку моей жизни.

– Почему же ты дал клятву? Какой тебе прок?

Сидоров засмеялся, заблестев белыми зубами и красиво откинув голову.

– Если бы я думал о пользе для себя, то меня бы не выбрали. А награда, – задумчиво сказал он, – это знание, которое несет покой.

– И много таких как ты?

– Выбирают много, а остаются единицы.

И так мне Паша стало завидно и так горько за свое ничтожество. Другие люди такие дела делают, а я...

– А мне у вас служить нельзя? – спросил я.

Сидоров задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– Я спрошу».

– Ну и что, взяли тебя?

– Взяли, – скромно сказал Толя.

– Ну и чем ты занимаешься?

Толик стал мяться, – он то открывал, то закрывал рот, не решаясь заговорить, краснел, опускал глаза. Я несколько минут наблюдал за этим, а потом нетерпеливо спросил:

– Ну?

– А ты не испугаешься? – произнес друг, застенчиво посмотрев на меня своими голубыми глазами.

– Тебя или информации о твоей деятельности? – попытался я состричь.

– Понимаешь, Паша, – произнес он в своей манере, – меня летающим видят только те, кто должен трагически погибнуть.

Мне стало очень неудобно, показалось, что все вокруг пошатнулось и поплыло.

– Так что, я...

– Нет, – я тебя уже выдернул, – это и есть моя работа. С крыльями ты меня уже не увидишь.

Наблюдая за изменениями моего лица, он спросил:

– Когда ты увидел, что я лечу, кто еще за мной наблюдал?

– Только я... Пстой! Тебя видел малыш!

– Ну да, так и есть. Провод вот-вот должен был упасть – ты и мальчик должны были погибнуть.

Летающим я его больше, действительно, не видел, а через короткое время переехал в другой город. Так сложились обстоятельства. Но не только поэтому. Очень трудно было постоянно украдкой взглядывать на небо, боясь увидеть летящего Толю.

Связь между нами давно утеряна, лишь иногда я читаю в интернете, что кто-то видел летящего то ли ангела, то ли огромную птицу. Каждый раз я радуюсь, что мой друг на посту и не дает некоторым людям случайно оступиться и преждевременно упасть за грань.

Три встречи с Индией

О. Померанцева

Несколько лет в молодости я работала в библиотеке. Пришла туда, окончив библиотечный факультет по распределению. Вначале была полна энтузиазма, а потом работа мне разонравилась. Это произошло, когда я перечитала все, нравящиеся мне книги. Я поняла, что на библиотечный факультет меня повлекло не библиотечное дело, а близость хороших книг, которых достать в то время было трудно. Также моя напарница, в то время женщина лет за 40, портила мне настроение своим равнодушием и даже отвращением к работе.

Ее звали Раиса Ивановна, и она была, что называется, «моль», только не белая, а серая. Серые с проседью «кудри» неопределенной длины, несколько вытянутое костистое лицо, какие-то бежево-серые брови и глаза стального цвета. Носила она бледные платья, а может, оно было одно, так как мне вспоминается худший оттенок бежевого цвета. У нее постоянно был насморк в различной стадии, и она утиралась комком носового платка, который прятала в рукав.

Когда я появилась в библиотеке и развила активную деятельность, она была недовольна, но реагировала как гусеница, которую потревожили, и она поднимает верхнюю часть туловища, пытаясь определить источник беспокойства, а потом медленно уползает. Так и Раиса Ивановна: вначале морщилась и фыркала, а затем облюбовала себе место в углу за стеллажами и практически ничего не делала.

Так как я дала ей возможность приятного времяпровождения, она стала поглядывать на меня благосклонно и даже ласково. Бывало, что Раиса Ивановна тихо смеялась, слушая меня и наблюдая мою деятельность. Но вообще она была очень вялой, бледной, и я однажды с прямоотой молодости спросила ее: она больна или у нее что-то случилось?

Она смешалась и даже покраснела:

– А что, я так выгляжу? – наконец спросила она.

– Ну, вы бледная, усталая, в глазах у вас нет огонька. Вон тетя Даша (наша уборщица) старше вас, а глаза блестят, даже, можно сказать, шныряют как буркалы, полы моет как зверь, огород у нее, внуки.

Раиса Ивановна посмотрела на меня и сказала:

– Знаете, Лариса (это я), я действительно слаба, и давно. Моя жизнь довольно странная. С детства. Вначале я этого не понимала, но потом увидела, что в жизни других людей все происходит по-другому. Например, моя первая любовь случилась при весьма непонятных, даже загадочных обстоятельствах. Эта любовь была сильной как болезнь, и я так и не выздоровела. Короче, я думаю, пришло время рассказать обо всем.

Я с удовольствием приготовилась слушать: за окном пасмурно, моросит дождь, на дереве у окна шевелятся несколько ржавых корявых листьев, посетители в будни приходили в основном после пяти.

«Я училась в третьем классе, жили мы в закрытом военном городке летной части. Однажды зимой мы гуляли с одноклассницей. Это был январь, каникулы. Гуляли вместе случайно, до этого мало общались. Звали ее Аля Оршанская. Мне было с ней скучно и неинтересно, но потом она сказала, что покажет мне «секрет». Я была заинтригована, потому что «секреты» в основном делались летом. Рылась ямка нужного размера, и туда клались цветы, фантики и др., и все это закрывалось стеклом. Осколок должен был быть довольно крупным – либо плоским, от оконного стекла, либо выпуклым от бутылок. Потом он закапывался, помещалось место и показывалось только самым доверенным лицам. «Показ секрета» мог означать предложение дружбы. Но секрет в снегу?»

Однако Аля повела меня в подъезд, закрыла дверь и прильнула, как мне казалось, к щели. «Посмотри», – сказала она. Я наклонилась и стала смотреть. Подъезд закрывался не плотно, и в щель я видела снег, гуляющих мальчишек. Я уже собиралась выяснить, что же необычного в том, чтобы смотреть на двор в щель? Но мое небольшое перемещение привело к потрясающему эффекту: я увидела кадр в цвете – это было поле – либо пшеницы, либо ржи, а перед ним тропинка. Вероятно, был ветер, потому что пшеница качалась. Нужно сказать, что в то время цветного телевидения в обозримом пространстве не было. Я спросила ее – что это. Она спокойно ответила: «Картиночки». Затем она стала смотреть сама и пугала меня, говоря, что видит черепа и скелеты. В тот день я больше не решилась посмотреть. Когда я спросила, где расположены эти картинки, она сказала, что там, где дверная ручка прикрепляется к двери. Ручки старые, шатаются, и поэтому там образуется щель.

На следующий день я с нетерпением выбежала во двор, зашла в подъезд и стала смотреть. Передо мной проплывали различные пейзажи, очень красивые, и, разглядывая их, я не заметила, как замерзла, руки ооченели, кончик носа побелел».

Выслушав это повествования с некоторой долей скепсиса, с одной стороны, но с другой, с интересом к красивому рассказу, я перебила Раису Ивановну и спросила:

– А вы что, не удивились, что в двери, в какой-то щели – цветные кадры?

– Почти нет, – ответила рассказчица. – В детстве все воспринимается непосредственно, как должное. Если оно есть, то значит, должно быть. Я, правда, рассказала об этом своей маме, но она засмеялась и назвала меня своей милой фантазеркой.

«Я стала проводить большую часть своего времени в этом подъезде, возле разошедшейся двери, в неудобном положении. Дело в том, что на картинках стали появляться люди. В основном это были не европейцы. Африканцы, вероятно, в набедренных повязках, азиаты в чалмах и другие, какие-то шествия. То праздники, то будни. Но скоро мое увлечение было замечено мальчишками, они стали дразнить, обзывать меня, подстерегали меня в моем любимом подъезде. Я была рохля, притом плаксивая, и это еще больше подогревало их интерес и побуждало обижать меня.

Но вскоре, выйдя во двор, я не увидела никого. Очень обрадовавшись, я ринулась к своему подъезду и прильнула к щели. Она, как будто меня ждала, раскрыла передо мной новые картинки. Помню – это был дом, в нем – два этажа. Второй этаж, деревянный, был окаймлен балконами, на которых сушились вещи. Справа был еще один деревянный дом, но одноэтажный. Дома стояли недалеко от возвышенности, поросшей деревьями.

Я засмотрелась и не сразу услышала грохот – это вниз неслась компания, подстерегавшая меня. С разбегу они меня толкнули, дверь открылась, и я упала. Подняв голову, я ожидала увидеть снег, голые деревья, родные пятиэтажки... Но увидела совершенно другое: передо мной был дом, вдали зеленые деревья. Я поднялась и стала тупо смотреть на все это: двор был захлавлен, а рядом со мной куча дров. Посмотрев на балконы, я узнала тот дом, что видела на своей картинке. Мне стало жарко в шубе и валенках с галошами, стало страшно – где искать маму или хотя бы папу? Я была согласна на папу, даже если он пьяный.

Я скривила рот, собираясь громко заплакать, но тут из низкого дверного проема вышла женщина с корзиной, наполненной постиранным бельем. Ее наряд меня очаровал. На ней была розовая кофточка, а красивая ткань с желтыми цветами обвивала ее стан и одно плечо. Темные волнистые волосы обрамляли смуглое лицо. Увидев меня, она поставила корзину, всплеснула руками и истошно закричала: «Решми!». Подбежав, она стала обнимать меня и что-то громко говорить. Это был не русский, а как я потом узнала – хинди. Но я понимала этот язык. Тогда я подумала, что это сон, и стала громко плакать и кричать «мама». Я по опыту знала, что, когда плачешь или кричишь во сне, ты кричишь и наяву, правда, слабо. Но мама всегда слышала и будила меня. Сейчас это не помогло, а женщина, между тем говорила:

– Где ты была, Решми? Что это на тебе надето?

Она сняла с меня, с моей помощью, шубу, встряхнула в руке и с недоумением уставилась на нее. Затем, взяв меня за руку, потащила в дом. Я семенила за ней в своих валенках.

В доме первой я увидела старуху, она сидела на ковре в белой одежде, голова была накрыта покрывалом. Ее лицо беспомощно задрожало, словно она собиралась заплакать, но потом, видимо овладев собой, грозно взглянула на меня и сказала:

– Куда ты снова забрела, раззява, где рот раскрыла? – от негодования ее голова и руки тряслись, но тут из другого помещения выбежала девочка старше меня – лет 14—15. Ее волосы были собраны сзади, одета она была в платье цвета фуксии с узором из цветов, похожих на шиповник. На шее был шарфик в тон платью, а из-под него виднелись штанишки. Девочка была очень красивая. Она обняла меня и шепнула: «Глупая моя сестренка, как я тебя люблю». Я рада была бы ответить на любовь этим людям, но я видела их впервые.

Бабушка тем временем не желала упускать инициативу. Она крикнула мне: «Отойди от Падмы, подойди ко мне!». Я подошла, и бабушка, дернув меня за руку, посадила рядом с собой. Она меня ругала, выговаривала мне, а я, хотя и все понимала, была ошеломлена, испугана и смотрела вниз. Наконец бабушка стала меня обнимать и говорить ласковые слова.

Затем меня помыли в сарае, черпая из ведра воду и поливая сверху, переодели в красное платье с узорами, в виде кругов, со стилизованным изображением солнца, и красные штанишки. На моей шее красиво расположили синий шарф, в тон с узором. После этого мое настроение немного улучшилось, так как я никогда не видела такого красивого платья. Вскоре бабушка удовлетворенно улыбнулась и сказала: «Можешь посмотреть на себя». Я прошла в другую комнату, встала перед зеркалом... А где же я? В зеркале отражалась темноволосая, смуглая, красивая девочка. Первой мыслью было: «Почему Падма в том же платье, что надели на меня?» Но Падма подошла сзади и положила девочке на плечо руку. Я увидела, что они очень похожи. «Но где же я?»

Раиса Ивановна перевела дух, а потом заговорила вновь.

– Знаете Лариса, если бы это было позже, в девяностые, когда все «узнали», что вампиры не отражаются в зеркалах, то я бы объяснила это таким образом, но тогда я была испугана сверх всякой меры, и объяснения у меня не было.

«Лицо мое искривилось, и я заплакала от непонимания происходящего, от того, что я могу никогда не увидеть маму. Я заметила, что девочка в зеркале тоже плачет, а Падма обнимает ее. Эту руку я ощутила у себя на плече.

Тогда я спросила (на хинди!):

– Это я?»

Другими словами, как ты уже поняла, в зеркале была я, но совсем другая.

«Конечно ты, – а кто же еще, глупенькая? – ответила Падма.

Тут в комнату вошел темноволосый мальчик. Увидев меня, он важно сказал:

– Решми, ты снова заблудилась? Что из тебя получится дальше?

Губы мои задрожали, и я сказала, всхлипывая:

– Я не заблудилась, я живу в другом месте! Я вас не знаю!

Падма и мальчик, которого, как оказалось, звали Мукул и который являлся моим (или Решми) двоюродным братом, переглянулись и заговорили со мной, перебивая друг друга. Они пытались возбудить мою память, рассказывали мне про себя и про меня, даже назвали мне мою фамилию – Шривастава, но все тщетно. Я помнила и твердо знала, что я Рая Ковалева, что мне десять лет. Помнила всех своих одноклассников, учительницу Римму Ивановну и все, что со мной происходило, но этих симпатичных людей я видела впервые.

Потом пришли отец и мать Мукула – их звали тетя Джита (та, которая меня встретила) и дядя Сону, и они говорили обо мне, дядя Сону качал головой и гладил меня по волосам. Они решили, что я потеряла память.

На следующий день меня снарядили в школу. Мне дали платье в мелкую голубую и белую клеточку, синие штанишки, на шею Джита накинула мне синий шарф. Я слышала, как взрослые переговаривались и выражали надежду, что в школе, среди своих подруг, я вспомню что-нибудь. Также слышала, что дядя Сону высказал предположение, что я это устроила, чтобы меня не наказали.

Дети перед школой были одеты так же, как я и Падма. У мальчиков клетчатými были рубашки. Вначале нас выстроили, как я думала, на линейку, а оказалось, на молитву. Затем мы вошли в школу.

Школа меня поразила: я училась отнюдь не в роскоши – школа в военном городке была размещена в бывшей солдатской казарме и представляла собой длинный коридор с классами по бокам. Но ее стены были отштукатурены, и на них помещались различные картинки, портреты, стенгазеты и др., парты и полы были покрашены. Здесь же, в классной комнате, куда меня завела Падма, три стены были неровно выкрашены в какой-то желтоватый цвет, а третья даже не отштукатурена. Небольшого размера окна располагались ближе к потолку. На стенах никаких украшений, а парты, – такой же формы, как у нас тогда, – были не покрашены. Дерево уже приобрело грязно-серый цвет с пятнами.

Когда я вошла, меня окружили девочки, одна из них ревниво положила мне руку на плечо и заглядывала в лицо, а я их не знала. Падма отвела, вероятно, мою лучшую подругу в сторону и пошептала ей на ухо. Девочка прижала руку ко рту и закивала головой. Затем она покровительственно взяла меня за руку и посадила за парту рядом с собой».

Раиса Ивановна запыхалась, ее лицо окрасилось чахлым румянцем, во рту, вероятно, пересохло, так как она начала прищептывать. Сделав глоток из чашки с остывшим чаем, она продолжила:

«Когда начался урок, в класс вошел учитель – это был молодой человек, очень красивый. Его смуглое лицо было нежным и бархатистым, глаза с большими веками под черными бровями смотрели ласково и задумчиво, на губах порхала легкая улыбка. Именно порхала, потому что полностью не исчезала, а изменялась от еле заметной до явной».

– Раиса Ивановна, какое поэтическое описание, – сказала я, полагая себя остроумной.

Женщина тут же переменилась в лице – оно стало отстраненным и бледным. Она решительно встала и сухо сказала:

– Вы правы, Лариса, что-то я увлеклась, негоже пожилым дамам вспоминать молодых людей.

Она закуталась в свой широкий шарф и отсела от меня.

Что только я ни делала, чтобы она продолжала! Я только что на колени перед ней не вставала, потому что, по правде говоря, я слушала ее, не контролируя лицо – мне пришлось даже вытереть уголки губ от слюны. Но я считала, что она все это выдумала – и талантливо! И не ожидала от нее такой реакции. Ну и показаться умной и ироничной по молодости захотелось. Только на пороге, когда мы уже уходили, а я продолжала свои мольбы, Раиса Ивановна обещала подумать.

На следующий день она была еще более бледной и помятой, веки немного опухли и покраснели – наверное, плакала. Она сказала, что расскажет мне все до конца, ведь кто-то же должен об этом знать. Пусть даже ее сочтут ненормальной. Я, наученная горьким опытом, стала ее уверять, что мне это и в голову не придет и т. п.

«Я обиделась на тебя, потому что учитель Нанда Кулкарни был моей первой и единственной любовью. Звучит банально и странно? Ведь мне было десять лет. Но я не сразу поняла, что влюбилась в учителя. А детская любовь самая сильная и отчаянная. Вначале меня привлекли его добрые глаза: ведь я была в тяжелой для ребенка ситуации и не знала, как из нее выйти. Я, фактически, потеряла родителей и потянулась к его красоте и доброте.

Увидев меня, он улыбнулся, погладил меня по голове и сказал:

– Все уладится, Решми.

Сразу скажу, что я провела там (это была Индия, как ты понимаешь) в первый раз около месяца. Это был странный и тяжелый месяц. Я металась от тоски по маме и даже по пьющему папе, они снились мне каждую ночь. Я брала мамину руку и сжимала ее, но оказывалось, что во сне. Но в то же время я все больше привязывалась к учителю и к моей «другой» семье.

Вскоре моя сестра Падма сказала, что выходит замуж. Я была изумлена, ей ведь еще не исполнилось и пятнадцати. Я спросила, кто ее жених, она назвала какое-то имя, стершееся из моей памяти.

– Ты хочешь за него замуж?

Падма пожала плечами и сказала, что это большая удача, человек состоятельный, еще не старый.

– Мы ведь сироты, Решми.

Тут я спохватилась и спросила, что с нашей мамой?

– Она умерла, – сказала сестра, – ты ее не можешь помнить.

– Ты выйдешь замуж, а как же я?

– Ты пока будешь здесь, бабушка нас любит, тетя с дядей тоже неплохие.

Она помолчала, а потом сказала:

– Только им с тобой трудно, Решми. Ты уходишь, тебя долго нет, все переживают, у бабушки болит сердце. В этот раз – где ты была? Может, тебя били? Почему ты ничего не помнишь?

Я хотела рассказать Падме, что со мной случилось, и как я оказалась девочкой Решми Шривастава вместо Раи Ковалевой, но было трудно подобрать слова. Я было уже собралась как-то справиться с этим, но тут Падма улыбнулась и сказала:

– И фантазируешь много, но учителю Нанде это по вкусу. Когда я выйду замуж, тебя отправят к родственникам нашего отца. А замуж выдадут раньше, чем меня, лет в 14.

У меня задрожали губы: там, дома, у меня впереди было долгое детство, а тут...

– И стирать нужно будет и убирать?

Падма засмеялась:

– Ах ты моя маленькая лентяйка! Ну конечно. Может еще и за скотом ухаживать, если учитель к тому времени обзаведется хозяйством. Тебя же за учителя отдадут.

Когда до меня дошли эти слова, я испытала чувство, не повторившееся ни разу потом. Это была жгучая любовь, огромное спокойствие, жертвенность. Мне больше ничего не было страшно».

Я покашляла, а потом, как на уроке, подняла руку. Раиса Ивановна настороженно и выжидательно замолчала.

– Я, э-э-э, хотела спросить, – робко промолвила я, – вы оказались в другом времени?

– В том-то и дело, что нет. Время того мира – мира Индии – совпадало с моим временем, в котором я жила в СССР, разница была лишь в час или полтора. Я оказалась в другом пространстве, но в каком-то ином значении... Я не знаю, как объяснить.

Я жестом показала, что я молчу и готова слушать дальше.

«Вскоре состоялась свадьба Падмы. Ее одели в красное сари, косу, волосы, лоб украсили драгоценностями (а может, это была бижутерия – не знаю), на ее головку было накинута покрывало, украшенное узорами, жемчугом, камнями. Как она была прекрасна! Мне показалось, что ее старый жених (мне так казалось, но на самом деле ему было лет 30) даже покачнулся от счастья, увидев ее, сходящую с носилок. Приехали и родственники отца, которые должны были меня забрать.

Нужно сказать, что тоска по дому, особенно по маме, побуждала меня искать путь вернуться. Я даже обдумывала возможность рассказать кому-нибудь настоящую или какую-нибудь придуманную историю и попросить отвезти меня домой. Но изменюсь ли я? Что если к маме

вернется незнакомая индийская девочка? Кроме того, я поняла, что я не знаю русского языка! Я помнила все, все разговоры, которые велись на русском, но в переводе на хинди. Поэтому нужно было вернуться так же, как я сюда попала. Я уже несколько дней обследовала дверные ручки, когда меня не видели. Это было трудно, так как за мной всегда кто-нибудь наблюдал.

Завороженная свадебным торжеством, я забыла про это, но тут ко мне подошел мужчина в чалме и сказал, что он старший брат отца и что я поеду с ним. Он стал расспрашивать, почему я убегаю. Мне сказать было нечего и он, не дождавшись ответа, схватил меня за предплечье и, наклонившись, сказал, что если я буду это делать, то он найдет способ меня наказать. Мерзко захихикав, он сжал мне ладонь так, что я вскрикнула (потом, гораздо позже, я узнала, что наказанием могло быть изнасилование, и не одним мужчиной). Когда он отпустил меня, я метнулась к сараю, где хранился инвентарь, но где было чисто и сухо. Я села в угол и собиралась заплакать, но мое внимание привлекла дверная ручка. Она-то мной еще не была обследована. Я наклонилась, и сердце мое замерло – наконец-то! Передо мной стали проплывать пейзажи, и вот, наконец, снег, ворота со звездой (охраняемый вход в военный городок). Дверь с той стороны кто-то открыл рывком, и в следующее мгновение я упала в сугроб.

Встав на ноги, дрожа от холода, охватившего меня, я попыталась бежать, но вязла в глубоком снегу и падала. Меня, вероятно, увидели, и из караулки вышел солдат. Он подошел и стал спрашивать, кто я. Когда я назвала фамилию (папа мой был офицер), солдат охнул, снял шинель, закутал меня и повел в помещение. Там мне предложили горячего чая с пряником, но ведь я только что была на свадьбе и ни пить, ни есть не хотела. Солдат позвонил, и через некоторое время прибежал мой папа, бледный, небритый. Он неистово обнял меня, а я принохивалась – не пьян ли? Но папа был абсолютно трезв. Вскоре, громко плача, пришла мама, и мы пошли домой. Папа нес меня на руках.

Дома по разговорам родителей, соседей, которые приходили кто порадоваться, кто полюбопытствовать, по сумбурному маминому рассказу я поняла, что я месяц провела в больнице, в бессознательном состоянии, иногда наполовину выходя из него. Мама сказала, что я металась, сжимала ее руку. Иногда открывала глаза и умоляюще смотрела на нее. Болезнь моя началась после падения. Вероятно, кто-то, скорее всего мальчишки, толкнули меня, я ударилась головой и потеряла сознание. Врачи были неприятно удивлены тем, что я не приходила в себя, так как удар был не такой уж и сильный. К этому присоединилась пневмония, и в течение месяца я балансировала между жизнью и смертью. Через месяц утром я неожиданно пропала из больницы и появилась перед проходной в странном ярком платье. Но еще большее удивление у врачей вызвало то, что после исчезновения я вернулась совершенно здоровой.

Оказавшись дома, я посмотрела в зеркало – никаких больших карих глаз и роскошных темных волос – русые нерасчесанные волосы, серо-бежевые глаза. Лиловое узорное платье и шарф-накидка висели в шкафу на плечиках. На следующий день они были исполосованы когтями нашего кота, которого они как-то привлекали: он их, нюхал, шипел, цеплялся за них. Уже имея подобный опыт, я притворилась потерявшей память, и где я была, исчезнув из больницы, так и осталось тайной.

После этого прошло четыре с лишним года. Мама поначалу пыталась узнать мое местопребывание, водила и возила меня по врачам и даже к гинекологу узнать, «не обидел ли» меня кто-нибудь. Мама, зная меня, как свои пять пальцев, была уверена, что я что-то скрываю, но я так ничего и не рассказала, еще и потому, что не знала, как можно это сделать, какие слова подобрать. Лишь однажды я доверилась якобы лучшей подруге, путано изложив происшедшее. Она выслушала и спросила:

– Тебе это приснилось что ли? А как звали того мужика, в которого ты влюбилась? Нанда? – она захохотала, – Ну и имя дурацкое На-ан-да, – противным голосом растянула она.

Я сделала вид, что тоже смеюсь. Подруга с неделю глумилась над дорогим для меня именем: подмигивая, она напевала его на все лады. Больше попыток я не предпринимала.

Так вот, когда мне шел пятнадцатый год, я решила вернуться в Индию. Честно сказать, – это был план, который появился практически сразу после возвращения. Я полагала, что в этом возрасте пора выйти замуж за любимого. Чувствуя, какое беспокойство и даже горе могу принести родным, я лицемерно оправдывала себя тем, что у меня обязательства перед Нандой и что он меня ждет.

На этот раз я тщательно подготовилась, спрятала в укромном месте одежду, чтобы переодеться, когда вернусь, надела яркое платье. Теперь мое путешествие приходилось на август. Я написала маме записку, что уезжаю с подружкой к ней в гости. Что будет, если не вернусь? Я об этом не думала. Зайдя в нужный мне подъезд, я дрожащими руками взялась за дверную ручку, образовала крошечную щель и, трепеща, заглянула в нее. Передо мной возник лиловый цветок с длинным пестиком, по которому ползало насекомое – наверное, какая-то муха. Эта муха, как будто вспугнутая мной, взлетела, цветок заколыхался. Кадры поплыли дальше – и я видела только зелень и цветы. Затем все стало уменьшаться, и я увидела дом, в котором прожила тот странный месяц. Я его с трудом узнала, так как все пышно цвело. Тогда ведь был январь.

Я толком не знала, как мне оказаться там, как туда «впрыгнуть». В прошлый раз мне это удалось (туда и обратно) в результате толчка, поэтому я прыгнула вперед и упала на асфальт перед подъездом и так несколько раз. Я уже было отчаялась, но, наконец, резкий толчок направил меня в Индию. Все мои старания с внешним видом оказались тщетными: платье было грязным и в двух местах порвано. Кадры переместились – это происходило после каждого падения, и я оказалась во дворе у соседей. Прямо передо мной стоял баран, он заблеял, и тут же откуда-то из-под дома вылезла сонная собака и стала гулко лаять. Я быстро пошла по направлению к «своему» двору.

Из дома вышел выросший и повзрослевший Мукул – мой двоюродный брат, а затем выплыла тетя Джита с бельевым тазом на голове.

– Решми, девочка моя, ты вернулась? А кто тебя привез?

Я хлопала глазами, потому что решительно не знала, откуда я должна приехать.

Тетя Джита помрачнела:

– Ты что, снова сбежала?

– Нет, нет, – сказала я.

– Тебя привез Бабар? – не дожидаясь ответа, она с обидой сказала: – Что ж даже не зашел?

На этот раз мне мало кто был рад. Бабушка умерла, Падма после свадьбы уехала с мужем в другой штат, и тетя Джита ворчала, что с такой красотой девчонку родственники могли бы выдать замуж сами. Тут я подала голос и сказала, что у меня есть жених – учитель Нанда, и я выйду замуж только за него.

Тетя Джита удивленно вскинула глаза:

– Какой жених, Решми? У Нанды есть невеста.

Она назвала имя моей одноклассницы, которая была моя «подруга» – так она, по крайней мере, говорила.

Все поплыло перед моими глазами, и я истерически вскрикнула:

– Мне Падма говорила!

– Так это давно было! Ну да, договаривались, но тебя забрали родственники и должны были выдать замуж, да и Нанде выгоднее взять эту невесту.

– А как же любовь! – с визгом закричала я.

Я была уверена, что мой предполагаемый жених, так как он предназначен мне, любит меня так же, как я его.

Выбежав из дома, стукнувшись при этом о косяк, я побежала по знакомой дороге в школу. Я уже знала, что каникулы длятся с мая по июнь и учитель должен быть в школе. Я

была как пьяная от горя, да и выглядела, наверное, так же: платье драное, лицо заплаканное. Я ворвалась в класс – там был другой учитель, который изумленно взглянул на меня.

– Где учитель Нанда? – выкрикнула я.

От растерянности незнакомый мне учитель сказал:

– Он уже ушел.

Я как фурия выбежала из школы, помчавшись по направлению к его дому.

Тропинка пролежала между рядом домов и хребтом холма, заросшего красивыми благоухающими цветами».

– Этот запах, – сказала Раиса Ивановна, вздохнув, – я помню до сих пор, он как будто поселился во мне.

«Когда я завернула за угол, я наткнулась на большую темно-рыжую корову, которая возлежала поперек дороги. К коровам здесь было почтительное отношение, их можно было встретить везде. Я обошла корову сзади, и мне пришлось пробираться по пыльной траве. В довершение всего корова, отмахиваясь от насекомого, концом хвоста хлестнула меня по щеке, оставив, как оказалось, грязный след.

Наконец, впереди я увидела знакомую фигуру, и ноги мои подкосились. Он был одет в белую куртку (что-то наподобие длинной рубашки со стоячим воротом) и узкие белые штаны. Я робко окликнула его трижды, прежде чем он услышал, повернулся и удивленно посмотрел на меня. Я приблизилась к нему, медленно передвигая ватные ноги.

– Учитель Нанда, я вернулась, – сказала я.

Он явно меня не узнал, но в глазах появилось участие и жалость (вид мой был ужасен, тем более, что мое платье, хоть и яркое, не полностью соответствовало местным порядкам).

– Я вернулась, мы должны пожениться!

– Решми! – воскликнул он, узнав меня. – Что с тобой случилось?

Я стала ему говорить о том, что меня должны выдать за него замуж, но мой возлюбленный сказал, что его родители не пожелали видеть меня его женой. Во-первых, потому что не подхожу им по статусу – сирота, во-вторых, я странная девочка, может быть, пошла в свою мать. Поэтому, сказал Нанда, я должна вернуться домой, привести себя в порядок. Если нас увидят вместе, меня могут унижительно наказать, да и его тоже. Он погладил меня по голове, а я прижалась к его груди и замерла от горя и счастья. Он нежно отодвинул меня, вытер рукой мои слезы и развернул меня по направлению к дому.

Я хотела сразу отправиться домой, но посчитала, что должна привести себя в порядок. Подойдя к дому, я увидела Джиту, которая беспокойно оглядывалась и, увидев меня, сердито всплеснула руками. Раздев, она стала меня мыть, поливая водой из ведра. После этого она дала мне камиз (туника до колен, с разрезами по бокам), шальвары, оставшиеся от Падмы, а потом достала сандалии, украшенные блестками, и сказала, что дарит их мне.

Я поблагодарила тетю и попросила рассказать про мою мать (здешнюю). Джита долго отнекивалась, но потом, сказав, что я уже большая и скоро выйду замуж, поведала мне, что мой отец жив, у него другая семья, а нас с Падмой воспитывала бабушка (мать отца). А моя мать (Джита еще помялась), после того, как отец объявил, что разводится, бросилась с моста. Я в ужасе схватилась за щеки, но тетюшка сказала, что ничего особенного в этом нет, потому что если муж уходит или выгоняет жену, то виновата она: плохо ухаживала за мужем или рожала девочек...

В этот день в наш дом пришел Нанда. Он почтительно попросил Джиту поговорить со мной, и она разрешила мне выйти. Нанда просил прощения за то, что женится на другой. Он не знал, что я влюблена в него – ведь когда шел разговор о браке, я была совсем юная. Я смотрела на него и видела, что он правда сожалеет, что я ему очень нравлюсь.

На память он подарил мне тикку – украшение на лоб, очень красивое, из камней разного цвета, каждый в оправе в виде капли или лепестка. Посередине был лепесток с красным кам-

нем, а внизу прикреплена подвеска из красного камня в виде груши. Когда он передавал ее мне, наши руки соприкоснулись».

– Может, вы мне не поверите, Лариса, но это мое единственное любовное приключение. Конечно, я потом пыталась дружить с мальчиками и даже целовалась. Когда мне было 30, ко мне пошло сватался сосед, собутыльник отца. Но все это не имело к любви никакого отношения. Цветы, их ароматы, Нанда в белых одеждах, его запах – как это было непереносимо прекрасно!

«В тот день я рано уснула, наплакавшись от горя и счастья, поэтому проснулась рано, еще было темно. Я лежала и думала, как сделать так, чтобы быть с любимым? Оставшись здесь, я рисковала быть выданной замуж за кого-нибудь другого. За учителя меня не выдадут, я это уже поняла, и он не будет бороться за это. Может, я ему и нравилась, но чтобы добиваться – нужно любить. Да и маму было жалко, и моего бедного отца-алкоголика тоже. Предложить ему бежать со мной? Но понравится ли ему Рая Ковалева?

Я решила возвращаться. Когда появились первые лучи солнца, я вышла, вдохнула ароматный воздух и пошла к сараю, откуда «отправлялась» в первый раз. Попасть домой мне теперь удалось со второго раза.

Как шла моя жизнь после этого, не имеет большого значения. Я жила как все, даже испытывала маленькие радости, но внутри у меня было как будто не сердце, а какой-то механизм, вроде будильника».

– Вы больше не были в том месте, ... в Индии?

Раиса Ивановна сдавленным голосом произнесла:

– Я пыталась, но не нашла дороги. Собравшись туда в сентябре, я не нашла «входа». В отчаянии я даже спрашивала Алю, которая мне показала «картинки», почему их больше не видно. Та, с трудом вспомнив наше приключение, пожала плечами и сказала, что, наверное, сменили дверные ручки. Я бродила по городу, заходила во все подъезды: еще немного, и я прослыла бы городской дурочкой.

«Долго я была как замороженная, но потом меня осенило: я ведь могу поехать в Индию! Я стала учить хинди в надежде на это. Я изучила географию Индии, на карте нашла тот городок, где я была. Но мне долго пришлось ждать возможности поехать туда – почти 20 лет. Но вот, наконец, свершилось – началась перестройка. Я купила путевку, оформила визу.

Я боялась, что не вспомню те места, боялась, что все что было – это какой-то сон, галлюцинация, но, приехав в тот городок, я узнала все, даже моих повзрослевших сверстников. Они меня, конечно, не могли вспомнить. Я как будто проснулась, внутри у меня все пело. Я решила разыскать Нанду, все ему рассказать, а потом... Не знаю, что было бы потом. Всякие мысли кружились у меня в голове, даже недостойные – а что если его жена умерла или умрет.

Я решила вначале поспрашивать у местных жителей о Решми, но это не дало результата – никто о ней не знал. Между тем, фамилия Шривастава была знакома, и люди указывали известный мне путь. Выйдя к дому, я постучала в дверь. Дверь отворилась, и, конечно, появилась Джита! Она располнела, но не слишком постарела.

«Намаскар диди» (здравствуй, старшая сестра), сказала я. Джита изумилась, но ответила на приветствие. Я изложила ей легенду, приготовленную заранее, что якобы моя подруга ездила в Индию и познакомилась с Решми. Теперь она передала ей подарок. Джита, как мне показалось, побледнела, но сказала, что никакой Решми у них нет, и стала тянуть на себя дверь. Мне удалось удержать ее и спросить о Падме. Она сказала мне адрес и поспешно захлопнула дверь.

Я была растерянна, у меня щемило сердце, и я отправилась искать учителя Нанду. До школы я еле дошла: сердце мое вырывалось из груди. Одно утешало: я теперь не боялась нарушить обычаи и могла свободно говорить с любимым.

Дождавшись окончания урока возле школы, я увидела его. Он возмужал, фигура его окрепла, но красота лица и доброта в глазах были те же. Я заговорила с ним, едва переводя дыхание. Он, подумав, что я больна, предложил мне присесть. Я изложила свою легенду, попросила помочь мне найти Решми, но он только развел руками. Никакой Решми он не знает. Я сказала, что она даже предназначалась ему в жены, но он с недоумением все отрицал.

Встреча с Падмой дала тот же результат. Падма со знакомой мне, ласковой улыбкой сказала, что у нее никогда не было родной сестры. Я в отчаянии стала ей напоминать наши разговоры, но она только качала своей красивой головой.

Я не могла себе и представить такого результата. Я снова оказалась в доме Джиты. Она смилостивилась, пустила меня в комнаты и стала настойчиво расспрашивать про «подругу». Я, вконец запутавшись, сказала, что являюсь всего лишь посланцем. Она проводила меня до порога и здесь задумчиво сказала: «Решми Шривастава не довелось пожить». Я записала ей свой адрес и умоляла написать, если она что-то знает или помнит. Джита неохотно взяла бумажку, и я не очень надеялась, что она ее сохранит».

– Она вам написала? – нетерпеливо воскликнула я.

– Да, неделю назад я получила письмо. Джита умирает, и только поэтому написала мне.

Раиса Ивановна завсхлипывала, прикладывая платочек к глазам. Я в нетерпении схватила ее за плечо, даже потрясла:

– Ну, что там? – невежливо спросила я.

– Джита написала, что мать Падмы, когда покончила с собой, была беременна, и для дочери у нее было имя Решми – шелковая.

Я потрясенно молчала. Не только потому, что что-то объяснилось, а и потому, что все еще больше запуталось.

– И вот я думаю, – дрожащим голосом продолжала женщина, – кто я такая? Вы ведь не встречали таких людей?

Я покачала головой, а она продолжала:

– Я не знаю, что меня ждет и что от меня ждут. Хотя бы один человек был похож на меня!

– Наверняка такие люди есть, – воскликнула я, – вы просто их не встретили!

Она задумчиво комкала платочек в руках:

– Однажды в поезде я встретила мужчину, который сказал, что он не может обойтись одним именем. Но он был такой странный! Я ведь вам не кажусь такой?

– Нет, – с усилием ответила я.

Моя подруга Поля О. Померанцева

У меня было две подруги и муж, а потом я осталась одна. Первая и самая лучшая – ее зовут Валерия – оказалась в моей постели с моим мужем. Я вернулась раньше срока с работы (все как в анекдотах) и услышала, несущийся из спальни звонкий смех моей подруги. Не понимая, что происходит, я даже обрадовалась и вошла в комнату. Увидев картину, ошеломленно постояв некоторое время, я взяла кувшин, в котором отстаивалась вода для полива цветов и налила на разгоряченных любовников. Мявкнув как кошки разными голосами, они разлепились и ошеломленно уставились на меня.

– Я ухожу, – сказала я, – а завтра, чтобы духу твоего здесь не было.

Муж вскочил с постели и стал говорить о том, сколько он сделал в этой квартире – поставил пластиковые окна, деревянные двери, паркет и т. д.

Я сказала, что он может все это снять, а сам уйти, но он не сдавался:

– А вообще-то, зачем кому-то из нас уходить? Что, собственно, произошло? Уверяю тебя – это ничего не значит. То же самое скажет тебе и Лера. Правда, ведь?

Он повернулся к дивану, невольно повернулась и я. Моя лучшая подруга сидела, завернувшись в простыню, и играла уголком одеяла, пытаясь завязать его узлом. На вопрос моего мужа она кивнула и продолжила свое занятие. Его голос окреп и он, нежно подталкивая меня к выходу, ворковал о том, что мне нужно отдохнуть, а потом взглянуть на все другими глазами и т. д. В его взгляде была пустота и нетерпение – поскорее бы ушла. Ободряюще похлопывая по спине, он выставил меня за дверь и тихо ее закрыл.

Я даже не была возмущена тем, что меня выставили из моей квартиры. Все было настолько нереально, что ничего не вызывало удивления. Постояв, я ринулась вниз, потому что ком в горле грозил меня задушить, и нужно было что-то с ним делать. Я кинулась к другой своей лучшей подруге. Она встретила меня довольно холодно и в ответ на мой рассказ, поджимая свои пухлые губки, прочла мне суровую лекцию, о том, что я сама виновата – характер у меня тяжелый, сама не хозяйственная, не заботливая, выгляжу кое-как. При произнесении этой речи она морщилась, предвещая каждый выпад словами «ты меня извини, конечно, но...».

Я, как истукан, сидела, слушала это и машинально оглядывала подругу – ее сальные волосы, грязный халат. Смотрела на шарики пыли в углу, вдыхала ее несвежий запах. Она заметила это и, наверное, разозлилась, потому что покраснела, посмотрела на меня с крайней неприязнью и заявила, что сочувствует любви тех двоих, поддерживает их и восхищается тем, как они преодолели препятствия на пути к ней. Препятствие – это я. Когда меня преодолевали, я как-то пропустила.

Я, конечно, читала о таком в женских романах, слышала такие истории от сплетниц и моя бабушка на заре моей юности предупреждала меня о том, что подруги в очереди за мужем подруги в самом начале. Но на деле такая же история, случившаяся со мной, придавила меня, как упавшая стена, раздавив некоторые места, наверное, моей души.

Люди стали мне неприятны, раздражали, я стала удивляться, как я раньше не видела, что все их поступки вызваны лишь корыстью, эгоизмом, стремлением к наживе. «Как мне все надоело», – подумала я. Я не вернулась в свою квартиру ни завтра, ни позже: присоединив к тарифному отпуску личный, я поехала врачевать свои раны на родительскую дачу, путем написания романа (или хотя бы рассказа) о моей преданной любви (впопыхах ничего лучшего не придумала). Я сладостно мечтала о том, как примут мою рукопись, как моя великая книга разойдется огромными тиражами, а они все будут жалеть обо мне, умолять вернуться и т. д.

Нужно признать, что я выбрала неплохое лекарство: в процессе написания поняла, что я не писатель. Меня подташнивало, когда я перечитывала описание нашей первой встречи и нашла, что она была пошлой и примитивной. Когда я описала «любимого», оказалось, что постоянно наталкиваюсь на противоречия – хочу написать «его стройные ноги», но понимаю, что не могу. Понимаю, что правдой будет «его тощие, с небольшой кривизной, иногда дурнопахнущие ноги». Ну и все другое. Жили-то мы довольно долго. Я все так и описала, как есть. Единственное, что с трудом поддавалось охаиванию, это были его голубые глаза, но вспомнив его последний взгляд, я написала, что глаза у него, как голубые пуговицы. После создания портрета, я прочитала написанное, и у меня возникло чувство жалости к бывшей лучшей подруге.

Я стала писать о ней. Нужно сказать, что я отношусь к тем, кто идеализирует соперников. Когда моя подруга, привычная и вполне обычная Лерка, отняла у меня мужа, она приобрела в моих глазах красоту и таинственность, а ее имя, Валерия, стало вызывать во мне дрожь благоговения. Кто же не полюбит такую женщину? И как я могу с ней сравниться? В результате писательских упражнений, я нашла, что я ничуть не хуже. Конечно, я до конца не была уверена в своей красоте, но это мне уже мало мешало.

Хотя еще накатывала обида, и томило одиночество, так как новых любимых и новых подруг еще не было, через месяц, мне стало гораздо легче, я, по крайней мере, могла думать о чем-то другом и видеть мир шире. Я оглянулась и увидела сад. Он был большой и великолепный.

Папа еще давно выкупил дачу у соседей, убрал страшенький домик, захватил часть редколесья и стал высаживать вишни, яблони, груши, то есть плодовые и не только (два дуба, березы, сосна) деревья и цветы. По периметру ограды была высажена сирень разных сортов – белая, лиловая, темно-и-бледно-сиреневая и почти голубая. Но сейчас, когда папа и мама были у моря (они купили домик и «продляли» лето в теплых краях), сад был несколько запущен, хотя и очень красив – начинали желтеть и краснеть листья, распустились хризантемы. Во мне бурно всколыхнулись папины гены, и голову поднял садовод. Я решила привести сад в порядок, а времени было немного: мама, узнав о грядущем разводе, рвалась утешать и откармливать дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.